

Евгений Голубовский

Дон Кихоты нужны!

Выставка работ художника Олега Аркадьевича Соколова во Всемирном клубе одесситов была запланирована еще в начале года. Мы готовились к столетнему юбилею этого мастера, стоявшего у истоков одесского нонконформизма.

Тогда предполагали, что по сусекам у коллекционеров соберем работы, чтобы показать в июле. Но все случилось иначе. Член президентского совета клуба скульптор Михаил Рева познакомил нас с заведующим кафедрой Одесской строительной академии Владимиром Степановичем Осадчим, в чьей коллекции хранились 600 (!) работ Олега Соколова. И тогда мы решили отдать под эту выставку два свои зала, чтобы показать 100 работ в год 100-летия.

Первые неофициальные выставки в Одессе – это Соколов.

Первая антисталинская фреска на стене квартиры в Одессе – это Соколов.

Первое неформальное общество в Одессе – клуб имени Чюрлениса – это Соколов.

Произведения Олега Аркадьевича Соколова хранятся в Музее современного искусства Одессы, в Музее западного и восточного искусства, в Художественном музее, в Музее Блещунова, в частных коллекциях.

В начале этого года я предположил, что нас всех ожидает праздник.

Даже дал название этому событию для Одессы – Год Олега Соколова. Я воспринимал это как наш общий долг перед памятью художника – отметить 15 июля 2019 года его столетний юбилей.

Конечно, я знал, что работы Олега Аркадьевича Соколова в шестидесятые-восьмидесятые годы были в десятках домов

одесской творческой, научной, технической интеллигенции. Помнил их на стенах у композитора Александра Красотова, у врачей Евгения Свидзинского и Ивана Григорьева, у философа Авенира Умова, у писателя Аркадия Львова... Но представить не мог, что мне в 2019 году позвонят по телефону и предложат посмотреть потрясающую коллекцию его листов, более 600 работ.

Мистика?

А Олег Соколов и был мистиком. Верил в свое счастливое число – 13. Знал, что его оберегает его созвездие – Гончие Псы. И когда он писал бесконечную серию пейзажей неведомой звезды, для него она была ведома, она вела его по дорогам войны, не допустила смерти после тяжелого ранения. Конь под ним погиб, а он остался жив. Этого коня он помнил всю жизнь, со слезами на глазах читал стихи Николая Заболоцкого «Лицо коня» и Бориса Слуцкого «Лошади в океане».

Олег Соколов начинал как поэт в литстудии Дворца пионеров. Писал стихи всю жизнь. Мне чаще других вспоминается его программное – «Дон Кихоты нужны!».

Все его стихи, написанные до войны, а потом и на войне, пропали во Львове. Исчезли из комнаты общежития. А потом неожиданно реинкарнировались в Одессе, на его рабочем, музейном столе...

И подобные чудеса – воскрешения работ Соколова – происходят на моей памяти.

Считалась исчезнувшей, вроде кто-то увез за рубеж и распылил, серия больших работ к «Мастеру и Маргарите» Булгакова. И вдруг оказалась *музеем*, созданным на заводе «Микрон» для релаксации сотрудников Владиславом Вайсманом.

А в Музее современного искусства Одессы, собранном Вадимом Мороховским и Семеном Кантором, целый зал отвели под работы Соколова.

И вот новое чудо, которое демонстрируем в залах Всемирного клуба одесситов, – сто работ из шестисот из коллекции заведующего кафедрой Одесской академии строительства и архитектуры Владимира Степановича Осадчего.

Человек ближнего круга, человек, любивший Олега и ценивший его эксперименты, Владимир Осадчий и дочь Татьяна

воспитал в понимании эстетики Соколова, и недавно она защитила диплом в Киевском художественном институте по творчеству Соколова, его цветомузыке и изопоэзии.

Я очень надеюсь, что выйдут об Олеге Соколове монографии и исследования. Но даже в короткой статье хочу обозначить главное.

Олег Соколов в годы сталинщины, да и потом, в годы бесконечного застоя, был первым, кто открыто не захотел работать в предписанной системе «соцреализма», причем не ограничившись работой «в стол», а активно, граждански отстаивая свое виденье.

Его путь – от мирискусничества к символизму, от экспрессионизма к абстракции, от оп-арта к коллажу, от контр-рельефов к буквенной зауми...

За всем за этим стояла высокая школа – до войны он начал учебу в Одесском художественном училище, после войны продолжил, демобилизовавшись, во Львовском художественном институте, а вернувшись в Одессу, защитил диплом в худучилище. Но главной его школой, по его собственным словам, стали несколько лет общения с профессором Теофилом Борисовичем Фраерманом, одним из «одесских парижан», а затем создателем, вдохновителем первого одесского авангарда. И безусловно, школой стали 35 лет, с 1955 года по 1990-й, работы в Музее западного и восточного искусства с его замечательной библиотекой. Там он вчувствовался в Бердслея и Ропса, в Вазарелли и Мондриана.

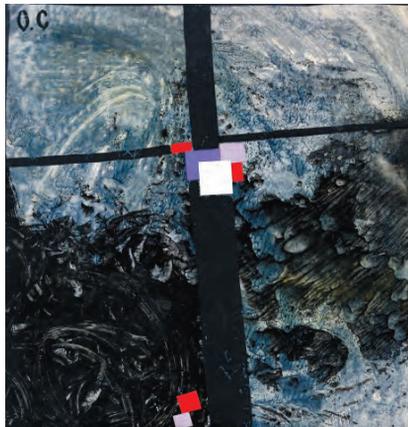
Сегодня, из нашего настоящего, точнее видится и путь Олега Аркадьевича Соколова, и его роль в развитии искусства в нашем городе, да и стране.

Соколов стоял на грани двух эпох и первым перешагнул эту грань, опередивши на многие годы своих коллег в понимании путей развития искусства.

Соколов воспринимал искусство как единое целое, живопись, музыка, поэзия для него дополняли друг друга, и он стремился к синтезу искусств в своем творчестве. И клуб, созданный им, «Цвет, музыка, слово имени Чюрлениса», был первым, не спущенным по указке из идеологических отделов ЦК, а рожденный вопреки запретам.

Прелюд

Бездна

Оранжевый вечер

Колесо двуличности

Букет

Джаз

Апрельское заклётье

Красные листья войны

Баллада о Ньютоне

Соколов был борцом. И гены родителей – отец дворянин, мать из староверского купечества, такая боярыня Морозова, перенесенная в XX век, дали свои плоды. Он не был заражен страхом. Все понимал, но выходил на одиночные пикеты, устраивал неподцензурные выставки...

Соколов был Дон Кихотом. Но он сумел доказать, что замок, в котором мы все заточены, картонный, что удары шпагой в его стены не бессмысленны, что верный Росинант найдет дорогу из коммунистического марева.

Успел увидеть горбачевскую перестройку, поддержать в руках «Доктора Живаго», которого он иллюстрировал, слушая сквозь глушилки по «Свободе», поддержать в руках томик Гумилева...

Олег Соколов умер в 1990 году, по сути – на бегу, на ходу, и в семьдесят лет не успев постареть.

Остались его работы. И это его послание нам – простой посыл: у настоящего искусства нет срока годности, оно всегда современно.

Автопортрет

Спадает с души все брренное,
Истории бьют часы,
Звонит серебром вселенная,
Над нами – Гончие Псы.

